

УДК 930.1(470.6)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.6

Т. А. Колосовская

КАВКАЗ В СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Д. И. РОМАНОВСКОГО (1825–1881)¹

Статья подготовлена в контексте активно изучаемого в исторической биографии феномена «историописатели второго плана». На основе биографического метода анализируется кавказский период жизненного пути и творческой деятельности генерал-лейтенанта Д. И. Романовского (1825–1881). Опираясь на воспоминания современников и архивные документы раскрывается роль Кавказа в становлении его как военного деятеля и ученого. Особое внимание уделяется анализу историко-литературных произведений военного исследователя, посвященных кавказской тематике. Показывается их влияние на формирование официального имперского нарратива Кавказской войны и становление исторического направления отечественного кавказоведения.

Служба в Отдельном Кавказском корпусе, а также талант и прекрасные литературные способности, определили включение Д. И. Романовского в сложный процесс изучения и «открытия» Кавказа для всего русского общества. Он пытался понять и объяснить широким слоям общественности причины, ход и историческое значение событий, участником которых являлся сам. По объему и разноплановости подго-

товленных им трудов, Романовского вряд ли можно включить в число профессиональных историков, которые внесли неоценимый вклад в развитие русской исторической мысли. Тем не менее, результаты его творческой деятельности и, прежде всего, его произведение «Кавказ и Кавказская война», стали первыми попытками обобщения и публичного представления сведений об этнокультурном многообразии и геополитическом значении Кавказа. Они отражали исторические события, в ходе которых регион стал частью Российского государства, знакомили с их главными действующими лицами. Высказанные Романовским положения об отправной точке начала Кавказской войны, причинах затянувшегося военного противостояния и цивилизаторской миссии России на Кавказе оказали влияние на формирование имперской концепции русско-кавказских отношений и ее отражение в официальных нарративах рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: Д. И. Романовский, историческая биография, военная историография, Российская империя, Кавказская война, русско-кавказские отношения, «историописатели второго плана».

Tat'yana Kolosovskaya

CAUCASUS IN SERVICE BIOGRAPHY AND HISTORICAL AND LITERARY HERITAGE OF LIEUTENANT GENERAL D. I. ROMANOVSKY (1825–1881)

The paper is performed in the view of the concept of the historical biography of “less prominent people”. We study the Caucasus life time and investigator activity of the General D. I. Romanovsky with the reference to the biography studies method. Based on contemporary memoirs and archive documents the study intends to show the role of the Caucasus in his evaluation as a military activist and a scientist. We pay specific attention to his historical and literature manuscripts analysis dedicated to the Caucasus issues. We show their impact on the foundation of narratives collections together with the history studies of the Caucasus studies.

Romanovsky's service in the Caucasus Military Corps together with his talents and literature gifts determined his contribution into the complex process of the Caucasus studies and its popularisation for the whole Russian society. He tried to interpret the reasons of some historical events he participated in and explain them to the public.

Исследование жизненного пути отдельных исторических личностей является важной составляющей европейской историографии с античных времен. На рубеже XX–XXI вв., в условиях пер-

He could be hardly marked as a professional historian consider his main papers. Then again the results of his activity and his main book “Caucasus and the Caucasus War” were the first example on generalisation and introduction to the public the data on ethnic and cultural diversity and geopolitical significance of the region. They showed the historical events when the region became an integrated part of the Russian state together with making a reader acquainted with the main participants of the process. The ideas told by Romanovsky about the starting point of the Caucasus War, reasons for the clash and civilisation mission of Russia influenced the foundation of the Imperial concept of Russian-Caucasus attitudes and their assumptions in the official narrative at the turn of XIX–XX cc.

Key words: D. I. Romanovsky, historical biography, military historiography, Russian Empire, Caucasus War, Russian-Caucasus relations.

сонализации предмета истории, историческая биография в России пережила новый подъем [12]. При этом в фокус рассмотрения и анализа часто попадали жизненные траектории тех, кого

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие».

нельзя отнести к выдающимся историческим деятелям, в том числе и самих историков. Сюжеты, находящиеся на пересечении историографического и биографического жанров, образовали отдельную проблематику исследований и привели к необходимости осмысления такого явления как «историописатели второго плана» [11, с. 27]. Его теоретические аспекты вызвали дискуссию в исследовательских кругах и попытки анализа в ретроспективной форме, «позволяющей целенаправленно охарактеризовать отдельные этапы исторической эволюции рассматриваемого феномена» [19, с. 30]. Поскольку разработка темы продолжается, обратимся к фактологической стороне проблемы и попытаемся показать ее на материалах одного из военных исследователей Кавказа Дмитрия Ильича Романовского (1825–1881).

Его имя входит в число офицеров Русской императорской армии, причастных к изучению Кавказа и военно-политических событий, которые там проходили в XIX столетии. В дореволюционный период осмыслить и дать оценку его творческой деятельности не успели, ограничившись лишь статьями в «Русском биографическом словаре» [16]. В советский период обращение к теме военной истории Кавказа и ее изучению в имперский период не приветствовалось. В ставшей хрестоматийной работе Л.Г. Бескровного по развитию отечественной военной историографии Романовский даже не упоминается [2]. Хотя отрывочные сведения о результатах его исследовательских практик всё-таки находили свое отражение в обобщающих трудах по истории изучения Кавказа в русской науке [9, с. 229].

Интерес к жизни Романовского активизировался на рубеже XX–XXI вв. в контексте обращения к имперскому опыту изучения и освоения восточных окраин России [1, с. 206; 7, с. 216; 18, с. 254–256]. Тем не менее, отдельные эпизоды его служебной биографии и творческой деятельности остались разработанными слабо, нуждаются в уточнении и дополнении.

В рамках настоящего исследования, не претендуя на всестороннее освещение жизненного пути Д. И. Романовского, остановимся на характеристике периода его деятельности, связанного с Кавказом. Особое внимание уделим анализу его историко-литературных произведений, посвященных кавказской тематике, их влиянию на формирование официального нарратива военной истории Кавказа и становление исторического направления отечественного кавказоведения. Материалами для этого нам послужат архивные документы, в первую очередь сведения из послужного списка Д.И. Романовского, его некролог, воспоминания о нем современников и историко-литературные труды военного исследователя, посвященные Кавказу. Последние нередко включают в

себя сведения автобиографического характера, поскольку описывают события, участником которых Романовский непосредственно являлся.

Будущий генерал родился 25 февраля 1825 г. в православной дворянской семье Тверской губернии. Военное образование получил в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге, в которое поступил 4 сентября 1839 г. 8 августа 1843 г. был произведен в полевые инженер-прапорщики, с оставлением в училище для продолжения обучения на офицерском отделении [17, л. 1].

В 1844 г. Романовский с отличием завершил обучение и в чине поручика был зачислен в Санкт-Петербургскую инженерную команду. Затем был переведен в Киевскую инженерную команду, а в 1846 г. отправился на Кавказ в связи с переводом в Грузинский инженерный округ. 19 июля 1847 г., по собственному желанию, штабс-капитан Романовский перешел на службу в Егерский генерал-адъютанта князя Чернышева (в дальнейшем 80-й пехотный Кабардинский) полк под командованием князя А.И. Барятинского [17, л. 2 об.].

Полковая штаб-квартира «кабардинцев» располагалась в то время в крепости Внезапной, на передовой линии столкновений с «немирными» горцами. По прибытии к новому месту службы Романовский принял участие в военных действиях в Малой Чечне. В ноябре - декабре 1847 г. он участвовал в движении отряда под начальством генерал-лейтенанта Р.К. Фрейтага из крепости Грозной, в рубке леса, в военных действиях против Джархан-Юртовских хуторов и аула Гелен-Гойты, в январе 1848 г. в перестрелке с чеченцами на реке Валерик. Летом того же года, входил в состав отряда полковника Веревкина, в его движении из укрепления Герзель-аула к аулу Ахмет-тала, в атаке, овладении и истреблении этого аула. За боевые отличия был награжден орденами св. Анны 3-й степени с бантом и св. Владимира 4 ст. с бантом [17, л. 2 об.].

Для продолжения военного образования 4 августа 1848 г. Романовский был отправлен в Императорскую военную академию (впоследствии Николаевская академия Генерального штаба). Здесь у него появилась возможность приобщиться к кавказской тематике с аналитической точки зрения. Он стал одним из слушателей курса лекций по военной статистике Кавказского края, разработанного Д. А. Милютиным и предназначенного для подготовки офицеров к службе на Кавказе. По итогам успешного завершения обучения Романовский был награжден малой серебряной медалью, произведен в капитаны и прикомандирован к Образцовой (впоследствии Учебной) пешей батарее, для фронтального образования.

Столь блистательная военная карьера молодого офицера Генерального штаба была прервана нелепой дуэлью. «За противозаконные

проступки» высочайшим приказом от 12 октября 1851 г. он был отправлен в отставку. В дальнейшем вернуться на службу Романовский мог только рядовым [17, л. 3 об.]. Неприятности не сломили молодого человека. Он не опустил руки и для восстановления своей служебной карьеры отправился на Кавказ, в действующую армию, где в те времена, по оценке современников, у него было гораздо больше шансов продвинуться по службе, чем даже оставаясь не разжалованным где-нибудь внутри России [4, с. 285].

8 июня 1852 г. Дмитрий Ильич определился в Ставропольский пехотный полк рядовым. Затем проходил службу в Дагестанском и Апшеронском пехотных полках. В 1853 г., с 4 января по 14 марта, участвовал в зимней экспедиции на левом фланге Кавказской линии и за проявленные в ней мужество и храбрость, 17 февраля 1853 г., получил знак отличия военного ордена [17, л. 3 об.]. Участие Романовского в Крымской войне на Кавказском театре военных действий (отличился в сражениях при Баш-Кадыкляре, Кюрюк-Дара, штурме Карса) позволило ему вернуть офицерский чин и снова стать причисленным к Генеральному штабу [17, л. 3 об.].

Он находился на хорошем счету у начальства. Главнокомандующий на Кавказе генерал-адъютант Н.Н. Муравьев предполагал на случай возобновления военных действий, назначить Романовского начальником штаба войск, предназначенных для действий в долине р. Риона [13, с. 299]. 1 марта 1856 г. он был командирован в Турецкую армию под начальством Омер-Паши для переговоров о перемирии. Поручение с успехом было исполнено, конвенция о перемирии заключена на выгодных для России условиях [17, л. 18].

В этом же году Романовскому довелось выполнить еще одно поручение главнокомандующего. До императора дошли сведения, что мирные чеченцы были сильно взволнованы слухами о том, что будто российское правительство разрабатывает планы их переселения в Россию на р. Маныч. Романовскому предстояло отправиться на Северо-Восточный Кавказ, в Чечню, и принять немедленные меры к прекращению таких слухов. Ему следовало заверить горцев, что новый император Александр II не желает в чем-либо сокращать ранее дарованные им льготы. Офицер не только успешно справился с заданием, но и с помощью начальника Левого фланга генерала Н. И. Евдокимова и начальника Кумыкской плоскости барона Л. П. Николаи собрал самые точные сведения. Эта командировка дала Романовскому случай пообщаться с боевыми генералами, узнать их мнение о характере Кавказской войны и тем самым почерпнуть обширный материал для своих будущих сочинений по военной истории региона [13, с. 300–301].

После служебной командировки в Чечню Романовского отпустили в краткосрочный отпуск. В это время главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал-адъютант князь А.И. Барятинский, который первоначально приблизил к себе талантливого офицера. 2 августа 1856 г. Романовский был назначен начальником его военно-походной канцелярии, 17 сентября 1856 г. получил чин подполковника, в апреле – мае 1857 г. находился при главнокомандующем при осмотре правого и левого крыла Кавказской линии, при этом участвовал в перестрелках, происходивших при проезде князя А.И. Барятинского через Большую Чечню и при рекогносцировке аула Зандак [17, л. 18 об.].

В 1857 г., Романовский, как доверенное лицо главнокомандующего, был частым посетителем дома начальника штаба Кавказской армии Д. А. Милютин в г. Тифлисе [10, с. 42]. В своих воспоминаниях последний характеризует Романовского как одного из лучших офицеров Генерального штаба, с которыми ему довелось служить на Кавказе [10, с. 193]. «Близость к столь всемогущему тогда князю Барятинскому, при наилучшем расположении Д. А. Милютин, считавшего долгом вообще протектировать всем офицерам Генерального штаба, давала Романовскому полное право рассчитывать на самую блестящую карьеру, – вспоминал современник, – но, по пословице: «чем ближе к солнцу, тем больше жжется», – произошло нечто совсем противное» [4, с. 286].

Романовского перевели в Ширванский пехотный полк. Как поясняет Д. А. Милютин, офицер рассчитывал получить полк в командование. Вместо этого, командиром был назначен полковник Кононович, а Романовский «вследствие неверно понятых им слов главнокомандующего... обратился к нему лично с неуместными объяснениями, после чего не мог оставаться на Кавказе» [10, с. 193–194]. Он был отправлен курьером в Петербург с письмом к генерал-квартирмейстеру барону Ливену, которого Барятинский просил дать своему адъютанту новое назначение.

Больше на Кавказ Романовский не возвращался. 14 апреля 1858 г., он был определен на службу в Департамент Генерального штаба. С 11 июля по 8 ноября 1858 г. находился в командировке по сбору сведений для составления стратегического обзора Западного пограничного края, в том числе Царства Польского и губерний: Киевской, Минской, Гродненской, Волынской, Подольской, Полтавской, Екатеринославской и Бессарабской области. 30 августа 1858 г. Романовский был произведен в полковники, а 13 декабря того же года назначен управляющим временным отделением Департамента Генерального штаба по войскам в Кавказском, Оренбургском и Сибирском краях, расположенных [17, л. 19 об.].

Шесть лет, проведенные Романовским на Кавказе, позволили ему принять самое живое участие в развернувшейся в то время при Военном министерстве работе по написанию кавказской военной истории. Затянувшееся на десятилетия вооруженное противостояние в регионе приковывало к себе внимание русского общества и перед властью стояла задача объяснить почему и какой ценой Кавказ вошел в состав Российской империи. Одним из популяризаторов кавказской тематики стал Д. И. Романовский.

В 1860 г. в Петербурге, зале Пассажа, Дмитрий Ильич прочел публичные лекции, целью которых было познакомить общество с Кавказом в военном отношении в целом и с Кавказской войной в частности. Лекции получили большой общественный резонанс, а печать много говорила об этом событии. В том же году материалы Романовского были опубликованы отдельной книгой под названием «Кавказ и Кавказская война».

Источниками для этого сочинения выступили: 1) курс лекций по военной статистике Кавказа Д. А. Милютин; 2) военно-статистические описания отдельных частей Кавказского края, в частности Ставропольской и Эриванской губерний, Кутаисского генерал-губернаторства и восточного берега Черного моря; 3) разрозненные описания местностей, кавказского быта, эпизодов военных действий, опубликованные на страницах периодических изданий; 4) архивные документы по военной истории Кавказа, собранные Д. Х. Бушеном [14, с. 2–8].

Значительную роль в подготовке издания сыграло тесное общение Романовского с современниками описываемых им событий и, прежде всего с князем А. И. Барятинским и Д. А. Милютиным. Это позволило автору отразить в своей работе их взгляды на Кавказскую войну и политику властей в регионе. Заведывая осенью 1859 г. азиатской частью в Главном штабе, Романовский имел случай неоднократно встречаться и беседовать с пленным Шамилем. «Занятый в то время подготовлением материалов для публичных лекций о Кавказе, – напишет впоследствии Романовский, – я, конечно, пользовался его объяснениями, в особенности в тех случаях, которые тогда еще для всех были не ясны» [13, с. 286].

По вопросам этнографии Кавказа Романовский консультировался с П. К. Усларом, специально занимавшимся разработкой этого вопроса. Наконец, большое значение в подготовке истории Кавказской войны сыграл и личный опыт Романовского, как непосредственного участника военных действий на Кавказе.

Сочинение было разделено автором на десять чтений. На систематизацию и изложение материала большое влияние оказали военно-статистические обозрения как исследовательский жанр, практиковавшийся офицерами Генерального

штаба в XIX в. В первом чтении Романовский дает общую характеристику географии, этнографии и истории всего Кавказа, характеризует причины и сущность Кавказской войны в целом. В последующих чтениях материал излагается по основным географическим отделам Кавказа: Закавказский край или Закавказье, северная часть Кавказского края или Кавказская линия и Дагестан. В ходе подробного обзора каждой из этих частей Романовский излагает также главные военные действия в них проходившие, с начала Кавказской войны и до окончания Крымской войны.

Интересно отметить, что само начало Кавказской войны Романовский связывает с присоединением к России Грузии, после чего «обязанность усмирить и успокоить этот край сделалась неизбежным подвигом, отступить перед которым было бы несовместно с достоинством России и не согласо с ее исторической и политической судьбой» [14, с. 46]. И хотя в дальнейшем военные историки называли иные отправные точки, напр., Персидский поход Петра Великого, русско-турецкую войну 1768 – 1774 гг. и т.д., в официальных нарративах, издаваемых штабом Кавказского военного округа, предложенная Романовским датировка стала одной из самых популярных. Впрочем, споры о хронологических рамках Кавказской войны и, прежде всего, дате ее начала, не утихают в историографии и по сей день.

Отдельные чтения Романовский посвятил рассмотрению мюридизма, как идеологии «немирных» горцев и анализу различных систем действий, употреблявшихся на Кавказе в разное время по умиротворению региона и установлению здесь русского доминирования. Автор убедительно доказывал тезис о том, что обращение к силовым методам подчинения жителей Кавказа носило вынужденный характер и употреблялось в исключительных случаях. «При малейшей же возможности, – подчеркивает исследователь, – правительство всегда старалось избегать кровопролития» [14, с. 368].

В последних двух чтениях Романовский излагает перечень главнейших событий на Кавказе за 1856–1859 гг., в том числе на северо-восточном и северо-западном театрах военных действий и их результаты. В конечном итоге, автор приходит к выводу о том, что трудный вопрос умиротворения Кавказа можно считать разрешенным, а предложения кавказской администрации по экономическому развитию региона (учреждение пароходства, устройство железных дорог и новых портовых городов) являются залогом процветания его в будущем.

Изначально ставя перед собой задачу популяризации для широкой общественности сведений о Кавказе, Кавказской армии и людях, участвовавших в военно-политических событиях в регионе, Романовский вполне добился ее решения.

«Верными и ясными очерками, – отмечается в рецензии современника, – автор обрисовал различные части Кавказского края, его природу и свойства, его население, характер и быт этого разнообразного населения и затем в последовательных очерках изложил главнейшие события Кавказской войны, проследив все фазисы умиротворения Кавказа, причем весьма ясно и рельефно указал на те особенности и характерные черты, которыми отличалась война, и на те разнообразные системы ведения войны, которые были принимаемы в различные времена шестидесятилетней борьбы» [6, с. 381].

В поисках ответа на вопрос, почему вооруженное противостояние на Кавказе затянулось на десятилетия, Романовский обращает внимание на недостаточность сведений о регионе, которыми располагали в Петербурге, при чрезвычайной трудности его изучения. «Недоступная, своеобразная местность этого края, – писал Романовский, – его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения. Между тем, источники для правильного изучения Кавказа, в особенности в военном отношении, как мы знаем, и по настоящее время весьма ограничены. В таких обстоятельствах для ознакомления с Кавказским краем оставалось одно средство – изучение на месте» [14, с. 352–353]. А это, при чрезвычайном разнообразии края, представляло большие трудности и требовало много времени.

Отсутствие точных и достоверных сведений о регионе приводило к появлению различных мнений о способах покорения Кавказа, нередко противоположных по своей сути. В то время, когда одни настаивали на применении силовых методов, другие обосновывали вред употребления оружия и утверждали, что главным средством должны служить мирные и торговые контакты с горским населением, развитие в местном населении потребностей в роскоши и смягчение их нравов.

Проанализировав опыт использования различных систем (мирные и торговые сношения, поселения, устройство сообщений, рубка просек и постройка передовых укреплений, военные действия) Романовский пришел к заключению о том, что добиться успеха можно было только путем сочетания нескольких способов, руководствуясь при этом особенностями местных условий различных частей Кавказа. «...По обширности и разнообразию театра войны, какие представляет Кавказский край, – отмечает автор, – для успешного хода дела необходимо было представить главным местным начальникам некоторую самостоятельность и достаточные средства. Необходимо было, чтобы каждый из них имел право и возможность пользоваться обстоятельствами, бла-

гоприятствовавшими какому-либо из указанных главных способов, так, например: произвести набег, вырубить просеку и т.п.» [14, с. 378–379]. Тем самым, Романовский развивал идею Д. А. Милютина, высказанную им в его «Курсе военной статистики Кавказа», реализация которой на практике привела к формированию общей системы действий с учетом специфики отдельных частей Кавказа и к завершению Кавказской войны [8]. При этом, как человек военный, Романовский подчеркивал важность усиления военного присутствия в регионе и решительных силовых действий, без которых «перерождение края никаким образом не могло бы совершиться» [14, с. 458].

Опираясь на исторические факты, автор обстоятельно объясняет, почему Россия с древнейших времен была связана с Кавказом и почему постепенно распространяла здесь свое влияние. «Прежде чем установился государственный порядок в русской земле, молодечество и удаль, водившие предков наших на Царьград, водили их так жена Кавказ, – пишет исследователь. – Слова касоги (черкесы) и Тмутаракань (Тамань) встречаются на первых страницах наших летописей. Тяжкое время владычества монголов окончилось присоединением к России царств Казанского и Астраханского, и распространением нашей власти до подножия Кавказа» [14, с. 44]. Романовский подчеркивает, что связь с кавказскими народами еще более усилилась, когда после падения Византийской империи грузинские цари стали регулярно обращаться к московским царям с просьбой о покровительстве. «С тех пор, как внутреннее развитие России дозволило ей принять действительное участие в судьбе Кавказского края, – продолжает автор, – это участие уже не прекращалось» [14, с. 44]. Так автор обосновывал тезис о постепенном и исторически предопределенном движении России на Кавказ. Положение, которое стало одним из основополагающих в формирующейся в то время официальной исторической концепции российско-кавказских отношений.

Красной нитью через работу Романовского проходит мысль о выполнении России на Кавказе своей цивилизаторской миссии: «Каковы бы ни были жертвы, которые Россия должна принести Кавказу, во всяком случае нет сомнения, что эти жертвы будут потомством достойно оценены, прежде всего потому, что торжество России в войне с кавказскими горцами составит торжество цивилизации над самым упорным варварством» [14, с. 47–48]. «Если Петр Великий основанием Петербурга прорубил окно, сквозь которое Россия взглянула на Европу, то в наше время умиротворением Кавказа прорубается окно для целой западной Азии, для Персии, Армении, Месопотамии... Сквозь это окно взглянут они на Европу, – пишет автор, и если взглянут не без пользы для себя, в чем нельзя не сомневаться, то великий

долг, лежащий на России относительно цивилизации, будет честно и достойно выплачен» [14, с. 48]. Такими доводами Романовский вносил свою лепту в формирование одного из ключевых положений официального имперского нарратива истории российско-кавказских отношений.

В целом, написанное на фактах, очевидцем которых был сам Романовский и на мнениях людей, хорошо изучивших край, сочинение военного историка получило положительные отклики российской общественности. Вместе с тем военная тематика в историческом произведении явно преобладала, а все остальные сведения географического, этнографического, социально-экономического характера носили лишь вспомогательный характер, более рельефно показывая те усилия, которые затронула армия на Кавказе. Поэтому, отдавая дань уважения труду Романовского, в полной мере справившегося с поставленной перед ним задачей, современники указывали, что общая история Кавказа, все-таки должна быть разработана «с большою подробностью и в более обширном объеме» [6, с. 397].

Это понимал и сам Романовский, подчеркивая, что историку еще предстоит оценить по достоинству и историческое значение Кавказской войны и историческую роль ее главных деятелей [14, с. 458]. Пока же, труд Романовского, вместе с включенными в него отрывками из неопубликованных документов, планами сражений и укрепленных горских аулов, картой Кавказского края с обозначением военно-административного деления на 1860 г., лишь закладывал ту эмпирическую основу, опираясь на которую могли действовать последующие поколения историков.

Романовский позиционировал себя не в роли историка, а в качестве современника событий, при этом горячо любящего Кавказ. Это находило проявление не только в его творческой деятельности. В Петербурге он участвовал в организации «кавказских вечеров», посвященных исключительно воспоминаниям о кавказской боевой жизни. На таких мероприятиях, ежегодно, 4 февраля, в гостинице «Демут», собиралось от 50 до 90 человек «старых кавказцев». Вечера проходили в радужных и непринужденных беседах, прерываемых лихими казачьими песнями, грузинской музыкой и знаменитой «лезгинкой», а ужин, с обильным возлиянием «кахетинского», сопровождался тостами и речами [10, с. 395].

Служебная деятельность Романовского не мешала ему заниматься исследовательскими практиками. В 1861 г. он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества и своими сообщениями активно содействовал его развитию.

В 1862 г. Романовский возглавлял редакцию «Русского инвалида» – официального печатного органа Военного министерства. После польского

восстания 1863 г. его размеры и характер приобрели черты большой политической газеты, принимавшей участие в борьбе с ложью иностранной прессы о России. Редактирование политических статей в «Русском инвалиде» было делом нелегким, требовало большого такта и осторожности. Романовский, по оценке Д. А. Милютин «человек испытанной честности и одушевленный искренним русским патриотизмом» [10, с. 253], каждый вечер приходил к нему с корректурными оттисками и заготовленными статьями.

Дальнейшая служебная карьера Романовского не была связана с Кавказом. 20 апреля 1865 г. он был отчислен от должности главного редактора газеты «Русский инвалид» с оставлением при Военном министре. В том же году за отличие по службе был произведен в чин генерал-майора. 4 июня 1866 г. был назначен военным губернатором Туркестанской области с оставлением в Генеральном штабе, 12 ноября 1866 г. назначен в свиту его императорского величества, 26 ноября 1867 г. – начальником штаба Казанского военного округа, а в 1877 г. – членом Военно-Ученого Комитета Главного штаба. В 1878 г. Романовский был произведен в генерал-лейтенанты [16].

О последних годах военного исследователя Кавказа, как, впрочем, и о его частной жизни, известно мало. Из послужного списка узнаем, что он был женат первым браком на Ольге Федоровне в девичестве Ермоловой, дочери отставного гвардии полковника Ф.И. Ермолова. У них было двое детей: дочь Мария, родившаяся 2 марта 1870 г. и сын Николай, родившийся 2 февраля 1872 г. [17, л. 10 об.].

В 1867 г. Романовский для лечения выезжал за границу, где в Женеве встречался с бывшим Кавказским наместником А. И. Барятинским. После его смерти в 1879 г., несмотря на имевшиеся ранее между ними разногласия, Романовский написал о покойном князе проникновенный некролог, а в феврале 1881 г. на страницах «Русской старины» была опубликована его статья «Князь А. И. Барятинский и Кавказская война» [13].

Статья, представлявшая собой опыт цельной биографии «покорителя Кавказа», вновь затрагивала сюжеты, к которым обращался Романовский 20 лет назад. Однако на этот раз в центр повествования была поставлена фигура А. И. Барятинского. Именно ему Романовский отводил главные заслуги в завершении Кавказской войны, и, в частности, составление решительного плана покорения Кавказа, принесшего успех в 1859 г. Это положение оказалось не бесспорным и привело к появлению критических замечаний по поводу справедливости такого вывода. Знакомый Романовского по организации «кавказских вечеров» в Петербурге И. Ф. Золотарев упрекал его за преувеличение роли князя А. И. Барятинского в ущерб его предшественникам и, главным образом,

князю М. С. Воронцову [5, с. 680]. По мнению А. Л. Зиссермана, текст Романовского содержал множество фактических неточностей и, хотя автору делало честь, что «он, забыв личные отношения, посвятил князю Барятинскому целый панегирик...; но не совсем хорошо, что с точки зрения действительности этот панегирик грешит весьма сильно и что автор как-то преимущественно выдвинул в нем себя, так даже, что и вся статья выходит написанной как бы для возможности выставить себя некоторым образом влиявшим на судьбы Кавказа» [4, с. 287].

В апреле 1881 г. в журнале «Русская старина» была опубликована статья Романовского «Князь М. С. Воронцов и князь А. И. Барятинский» опровергающая доводы И.Ф. Золотарева [15]. Вступить в полемику с А.Л. Зиссерманом исследователь уже не мог. 16 мая 1881 г. его не стало. Он умер в Казани, в госпитале, после болезни [3, с. 3].

Таким образом, Д.И. Романовский относился к тем государственным и военным деятелям России, профессиональное становление которых было неразрывно связано с Кавказом. Служба в рядах Отдельного Кавказского корпуса позволила ему проявить свои военные и дипломатические способности. Одновременно, близкое знакомство с регионом и участие в происходивших там военно-политических событиях, а также талант и прекрасные литературные данные, определили его включение в сложный процесс изучения и «открытия» Кавказа для всего рус-

ского общества. Он пытался разобраться сам и объяснить широким слоям общественности причины, ход и историческое значение присоединения Кавказа к России.

Конечно, по объему и разноплановости подготовленных им трудов, Романовского вряд ли можно включить в число профессиональных историков, которые внесли неоценимый вклад в развитие русской исторической мысли. Тем не менее, результаты его творческой деятельности и, прежде всего, его произведение «Кавказ и Кавказская война», стали первыми попытками обобщения и публичного представления сведений об этнокультурном многообразии и геополитическом значении Кавказа и, главное, о тех исторических событиях в ходе которых регион стал частью Российского государства. Скорее не как историк, а как современник, Романовский познакомил общественность с главными действующими лицами кавказской эпопеи, военными экспедициями и мирными способами закрепления в регионе. Тем самым, он формировал почву для дальнейшего изучения темы, но уже в другом масштабе и другой глубине осмысления. Высказанные Романовским положения об отправной точке начала Кавказской войны, причинах затянувшегося военного противостояния и цивилизаторской миссии России на Кавказе оказали влияние на формирование имперской концепции русско-кавказских отношений и ее отражение в официальных нарративах рубежа XIX–XX вв.

Источники и литература

1. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: «Восточная литература», 2005. 296 с.
2. Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 319 с.
3. Генерал-лейтенант Романовский: некролог // Русский инвалид. 1881. №114. С. 3–4.
4. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. 1885. №2. С. 273–298.
5. Золотарев И. Ф. Князь М. С. Воронцов // Русская старина. 1881. Т. 30. №3. С. 680.
6. Кавказ и Кавказская война полковника Романовского. Рецензия. // Военный сборник. 1860. №10. С. 375–413.
7. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
8. Колосовская Т. А. «Руководствоваться многолетнею опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории Российской политики на Кавказе (1840-е годы) // Новый исторический вестник. 2016. №1 (47). С. 6–19.
9. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1958. Вып. 2. С. 139–274.
10. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 688 с.
11. Мининков Н. А., Корневский А.В., Иваненко А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетей, 2010. С. 19–28.
12. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 5–16.
13. Романовский Д. И. Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский и Кавказская война, 1815–1879 гг. // Русская старина. 1881. Т.30. №2. С. 249–318.
14. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. 440 с.
15. Романовский Д. И. Князь М.С. Воронцов и князь А.И. Барятинский (по поводу заметки И.Ф. Золотарева) // Русская старина. 1881. Т.30. №4. С. 908 – 911.
16. Романовский, Дмитрий Ильич // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. Т. 17. Пг., 1918. С. 9–18.
17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 2. 1873 г. Д. 39110.
18. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: СГУ, 2011. 304 с.

19. Трапш Н. А. «Историк второго плана» в структуре персональной историографической иерархии (на примере развития дореволюционной исторической науки) // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. / Отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 29–40.

References

1. Baskhanov M. K. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Bibliograficheskii slovar' (Russian military orientalists before 1917. Bibliographic Dictionary). Moscow: «Vostochnaya literatura», 2005. 296 p. (In Russian).
2. Beskrovnyi L. G. Ocherki voennoi istoriografii Rossii (Essays on the military historiography of Russia). Moscow: Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 319 p. (In Russian).
3. General-leitenant Romanovskii: nekrolog (Lieutenant General Romanovsky: obituary) // Russkii invalid. 1881. No. 114. P. 3–4. (In Russian).
4. Zisserman A. L. Dvadsat' pyat' let na Kavkaze (Twenty-five years in the Caucasus) // Russkii arkhiv. 1885. No. 2. P. 273–298. (In Russian).
5. Zolotarev I. F. Knyaz' M. S. Vorontsov (Prince M.S. Vorontsov) // Russkaya starina. 1881. Vol. 30. No. 3. P. 680. (In Russian).
6. Kavkaz i Kavkazskaya voina polkovnika Romanovskogo. Retseziya (The Caucasus and the Caucasian War of Colonel Romanovsky. Review). // Voennyi sbornik. 1860. No. 10. P. 375–413. (In Russian).
7. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka (North Caucasian historiographic tradition: the second half of the 18th - early 20th centuries). Stavropol: SSU Publ., 2011. 496 p. (In Russian).
8. Kolosovskaya T. A. «Rukovodstvovat'sya mnogoletneyu opytnost'yu predshestvennikov»: D.A. Milyutin i izuchenie istorii Rossiiskoi politiki na Kavkaze (1840-e gody) ("One Should Be Guided by Predecessors' Many Years Experience": D. A. Milyutin and Research on the History of Russian Policy in the Caucasus (1840s) // Novyi istoricheskii vestnik. 2016. No 1 (47). P. 6–19. (In Russian).
9. Kosven M. O. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke (Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science). // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Moscow: Nauka, 1958. Vol. 2. P. 139–274. (In Russian).
10. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1863–1864 (Memories. 1863-1864) / Pod red. L.G. Zakharovoi. Moscow: ROSSPEN, 2003. 688 p. (In Russian).
11. Mininkov N. A., Korenevskii A. V., Ivanenko A. E. Chelovek «vtorogo plana» v kontekste sovremennoi istoriografii: pyat' let spustya (Second Planner in the Context of Contemporary Historiography: Five Years Later) // V teni velikikh: obrazy i sud'by: Sbornik nauchnykh statei (In the shadow of the great: images and destinies: Collection of scientific articles). / ed. by L.P. Repina. St. Petersburg: Aleteiya, 2010. P. 19–28. (In Russian).
12. Repina L. P. Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiiakh (Personality and society, or history in biographies) // Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya (History through Personality: A Historical Biography Today) / ed. by L. P. Repina. 2-e izd. Moscow: Kvadriga, 2010. P. 5–16. (In Russian).
13. Romanovskii D. I. General-fel'dmarshal knyaz' A.I. Baryatinskii i Kavkazskaya voina, 1815–1879 gg. (General-Field Marshal Prince A. I. Baryatinsky and the Caucasian War, 1815-1879) // Russkaya starina. 1881. Vol. 30. No 2. P. 249–318.
14. Romanovskii D. I. Kavkaz i Kavkazskaya voina (Caucasus and Caucasian War). St. Petersburg, 1860. 440 p.
15. Romanovskii D. I. Knyaz' M.S. Vorontsov i knyaz' A.I. Baryatinskii (po povodu zametki I.F. Zolotareva) (Prince M. S. Vorontsov and Prince A. I. Baryatinsky (on the note by I.F. Zolotarev) // Russkaya starina. 1881. Vol. 30. No. 4. P. 908–911.
16. Romanovskii, Dmitrii Il'ich (Romanovsky, Dmitry Ilyich) // Russkii biograficheskii slovar' (Russian biographical dictionary) / Edited by. Vol. 17. Petrograd, 1918. P. 9–18.
17. Russian State Military Historical Archive. F. 409. Inv. 2. 1873. D. 39110.
18. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. «My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatela i uiti...» Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoi armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov) ("We fought in the Caucasus not to defeat the enemy and leave ..." Sociocultural activities of the Caucasian army (according to the memoirs and research of contemporaries). Stavropol: SSU Publ., 2011. 304 p.
19. Trapsh N. A. «Istoriik vtorogo plana» v strukture personal'noi istoriograficheskoi ierarkhii (na primere razvitiya dorevolutsionnoi istoricheskoi nauki) («Historian of the Second Plan» in the structure of personal historiographic hierarchy (on the example of the development of pre-revolutionary historical science)) // V teni velikikh: obrazy i sud'by: Sbornik nauchnykh statei (In the shadow of the great: images and destinies: Collection of scientific articles). / ed. by L.P. Repina. St. Petersburg: Aleteiya, 2010. P. 29–40.

Сведения об авторе

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tkolosovskaia@ncfu.ru

Information about the author

Kolosovskaya Tat'yana – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tkolosovskaia@ncfu.ru